

Демографические дискуссии. ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Автор: М. А. КЛУПТ

В истекшую четверть столетия "основное русло" современной демографии формировалось преимущественно теориями демографического перехода (ТДП)¹. Данные теории, генетически связанные с концепциями вестернизации, модернизации и постмодернизации включают перспективы демографического развития в более общую систему взглядов на то, в каком направлении движется современный мир. В силу широкой известности среди обществоведов, да и просто образованной публики, ТДП играют значительную роль и в российском политико-демографическом дискурсе - споре о том, как относиться к демографическим проблемам России и как браться за их решение.

Между тем накопление фактов, противоречащих ТДП, не просто вызывает потребность в ином, более современном концептуальном осмыслении демографического развития, но и ставит вопрос о новой методологии его изучения. Важнейшими ее компонентами, на мой взгляд, могут стать такие научные направления как синергетика, регионоведение, а также институциональный анализ. Возможностям последнего в исследовании новейших феноменов мирового демографического развития и посвящена данная статья.

Бифуркации демографического развития в последней четверти XX столетия

Бифуркации демографического развития представляют собой ситуации, в которых его конвергентный характер сменяется дивергентным. ТДП хорошо объясняют только один тип таких бифуркаций - при котором в одних странах (регионах) демографический переход (снижение смертности и/или рождаемости) уже начался, а в других еще нет. Между тем новейшие бифуркации демографического развития, как правило, не относятся к данному типу, вследствие чего их объяснение на основе теорий перехода оказывается невозможным. В то же время эти бифуркации вполне можно интерпретировать посредством институционального подхода. Вот некоторые характерные примеры.

---

¹ К ним относятся теория демографического перехода, иногда называемая также теорией демографической революции [Landry, 1934; Notestein, 1945] (одна из версий этой теории разработана А. Вишневым; математическая модель ТДП построена С. Капицей [Вишневский, 1982; Капица, 1999]), а также теория второго демографического перехода [Lesthaeghe, Каа 1986; Каа, 2002].

Клупт Михаил Александрович - доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

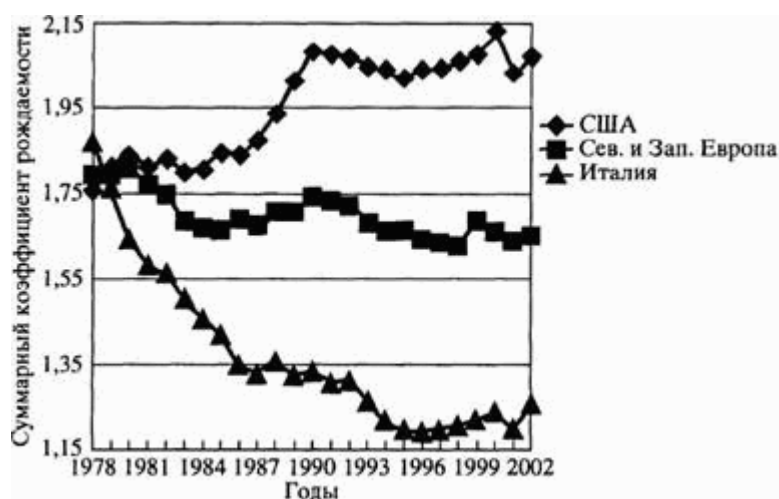

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости в США, Северной и Западной Европе и Италии.

Рождаемость в постиндустриальном мире (США, Западная Европа и Италия). В середине 1970-х гг. уровни рождаемости в "старом" и "новом" свете практически совпадали (см. рис. 1). Однонаправленными были и изменения институционального контроля над сферой сексуальности и деторождения. Острые молодежных волнений второй половины 1960-х гг. по обе стороны Атлантики было не в последнюю очередь направлено против неприемлемых для нового поколения форм такого контроля. Хотя "майская революция" 1968 г. в Париже закончилась, как тогда казалось, поражением молодежи, бунтовавшей против "системы", спустя всего несколько лет и в Европе, и в США началась существенная либерализация семейного и репродуктивного законодательства. Отчасти это произошло потому, что в термоядерную эру "демографическое соревнование" великих держав утратило военно-политическую актуальность, отчасти - в силу повсеместно начавшегося пересмотра функций государства.

Законодательные акты, легализующие аборт, были приняты: в Англии в 1967 г., Дании и США - в 1973 г., Швеции - в 1974 г., Франции - 1975 - 1979 гг., ФРГ - 1976 г.² В Италии на референдумах 1974 и 1978 гг. большинство избирателей высказались против отмены законов, разрешивших разводы и легализовавших аборт. События складывались в столь согласованную картину триумфа либеральных ценностей, что впору было говорить о "конце истории" за десятилетие до того, как об этом (в более широком контексте) написал Ф. Фукуяма. Неожиданно эта картина начала распадаться. Сформировались три уровня рождаемости:

- наиболее высокий, близкий к уровню простого воспроизводства - в США;
- относительно низкий - западноевропейский;
- сверхнизкий - южноевропейский (наиболее ярко выражен в Италии).

Почти одновременно с расхождением тенденций рождаемости начали проявляться различия в тенденциях институционального контроля над сферой сексуальности и деторождения. По мере того, как отношение европейских политиков и общественности к абортам, внебрачным сожительством и однополым бракам становилось все более либеральным, в США набирали силу консервативные тенденции.

² Одновременно в большинстве из перечисленных стран лица моложе 18 лет получили право получать контрацептивы без согласия родителей и сохранять это в тайне от последних.

"Первой ласточкой" стал отказ в 1984 г. администрации Р. Рейгана - непримиримого противника аборт - финансировать иностранные организации, способствующие их проведению. В 2003 г. Дж. Буш-младший подписал указ, запрещающий аборт на поздних сроках беременности, а год спустя - акт о защите нерожденных жертв насилия³. В феврале 2004 г. он также выступил с предложением внести в Конституцию США поправку, исключающую возможность юридической регистрации однополых браков. Эти инициативы обосновывались соображениями морали и основополагающим значением христианских ценностей для американской нации.

Вообще, различия в отношении американцев и европейцев к религии все более увеличиваются. Так, недавние сравнительные исследования показали: в жизни 59% жителей США религия играет очень важную роль. Это намного больше, чем в Великобритании (33%), Италии (27%), Германии (21%), России (14%), Франции (11%) [Among... 2002; Vruni, 2003]. В американском обществе усиливаются позиции противников аборт. Если в середине 1990-х гг., судя по опросам Института Геллапа, определяли свою позицию как *pro-life* (в защиту жизни, против аборт) 33% опрошенных американцев, а *pro-choice* (за свободу выбора, против запрета аборт) - 56%, то в 2000 г. эти показатели составили, соответственно, 45% и 47% [Carnell, 2001]. Инициированные республиканской администрацией изменения в репродуктивном законодательстве поддерживаются подавляющим большинством консервативно настроенных избирателей-христиан - более 90% из них, как показали недавние опросы, одобрили деятельность Буша-младшего на посту президента [Fog... 2004].

На протяжении последних десятилетий среди населения США были по-прежнему широко распространены консервативные модели демографического поведения. Коэффициент суммарной рождаемости⁴ белых жительниц страны нелатиноамериканского происхождения составляет 1,9, что заметно выше, чем в подавляющем большинстве стран Европы. К 2002 г. 40,4% американок упомянутой категории в возрасте 40 - 44 лет, состоящих (или ранее состоявших) в браке, уже родили двоих детей, еще 20,1% - троих, а 8,7% - четверых и более детей. Экономически неактивны (то есть не работают и не ищут работу или не готовы приступить к ней) 45% американских женщин в возрасте от 15 до 44 лет, имеющих детей [Downs, 2002, p. 7]. Можно, таким образом, говорить о широкой распространенности в США "консервативно-демографического" синдрома, включающего взаимосвязанные консервативные модели не только политического и электорального, но и демографического поведения.

Необходимо отметить и ряд других факторов, положительно влияющих на рождаемость в США. Это - быстрый рост заработной платы американских женщин, позволивший многим из них рожать детей "без оглядки" на не слишком надежных партнеров; бурный рост рынка услуг по уходу за детьми; достаточно щедрое субсидирование расходов родителей на оплату таких услуг из федеральных фондов. Кроме того, структурные изменения рынка труда повлекли за собой расширение числа рабочих мест с частичной занятостью (на них трудятся 32% работающих женщин в возрасте от 15 до 44 лет, имеющих детей). Наконец, следует упомянуть быстрый рост численности выходцев из Латинской Америки (в настоящий момент около 13% всех жителей США), для которых характерна несколько более высокая, чем для остального населения страны, рождаемость (значения суммарного коэффициента рождаемости составляли в 2000 г., соответственно, 3,1 и 2,1) [Women... 2002].

---

³ Согласно этому акту, насильственные действия в отношении беременной женщины являются преступлением не только против нее, но и против эмбриона. Косвенно это означает, что он получает независимый от вынашивающей его женщины юридический статус и потенциально право на юридическую защиту от нее самой.

⁴ Среднее число детей, рожденных женщиной за всю ее жизнь, рассчитанное при определенных предположениях.

С начала 1980-х гг. стали расходиться и тенденции рождаемости в странах Западной Европы. Если в последних произошла стабилизация суммарного коэффициента рождаемости на уровне (в среднем по региону) 1,6 - 1,7 при быстром росте доли внебрачных рождений, то в Италии суммарный коэффициент рождаемости упал до небывало низких (около 1,2) отметок, тогда как доля внебрачных рождений росла гораздо медленнее.

Корни данного феномена лежат в характерных для Италии специфических отношениях между такими институтами, как государство, церковь, семья и брак. Крепость семейных уз и семейное предпринимательство издавна компенсировали в Италии слабость и неэффективность государства. Подобная организация общества резко усиливает зависимость индивида от семьи и накладывает на старших членов семьи особые обязанности перед младшими, ибо без родственной протекции найти достойное место в жизни весьма сложно.

В Италии брак по-прежнему имеет безусловный моральный приоритет перед внебрачным союзом. Отношение к институту брака остается достаточно серьезным - в возрастной группе 20 - 24 лет этот институт представляется устаревшим лишь 11,6% женщин и 15,3% мужчин. Кроме того, процедура развода все еще остается достаточно сложной. В результате люди не вступают в брак, потому что это слишком ответственно, и не создают внебрачного союза ввиду его предосудительности. Если в Северной и Западной Европе внебрачная рождаемость вносит значительный вклад в общее число рождений, то на юге Европы этого не происходит [Rosina, 2001; Fertility... 2000].

Низким оказывается и уровень брачной рождаемости. Итальянцам по-прежнему хотелось бы, чтобы в их семьях было двое-трое детей⁵. Однако нормы итальянского фамилизма (*familismo*), то есть семейственности, оказывают понижающее влияние на рождаемость, ибо требуют от родителей ревностной заботы об образовании и профессиональной карьере детей, а это - весьма дорогостоящие предприятия [Dalla Zuanna, 2001]. Вдобавок рынок труда в Италии предлагает меньшие по сравнению с другими экономически развитыми странами возможности для гибкой занятости женщин. В результате молодые люди до последней возможности откладывают вступление в брак, что неблагоприятно сказывается на уровне брачной рождаемости. Поздней брачности способствуют также многовековые традиции совместного проживания родителей и детей в ряде областей Италии, дороговизна арендуемого жилья, высокий, хотя и имеющий тенденцию к снижению, уровень молодежной безработицы. Многие из вышесказанного характерно и для Испании, где рождаемость также заметно ниже западноевропейской [Cocchi... 1996; Kohler, Billari, Ortega, 2002; Miret-Gamundi, 1996].

Смертность в странах с переходной экономикой: различия в глубине и сроках выхода из кризиса. СССР и страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) с середины 1960-х гг. столкнулись со стагнацией или снижением продолжительности жизни. Трансформационный спад повсеместно ухудшил ситуацию. Доклад ООН в этой связи называет потери человеческих жизней, связанные со снижением продолжительности жизни мужчин молодого и среднего в возрасте в ряде стран ЦВЕ (особенно в России), наиболее тяжелой "человеческой ценой" перехода от одной социально-экономической системы к другой [Human... 1999, p. 5]. Тем не менее величина такого снижения и последующая динамика показателей на востоке и западе рассматриваемого региона были различны (см. рис. 2).

Первыми вышли из спада продолжительности жизни Чехия и Словакия (в 1991 г.), Польша (в 1992 г.), Венгрия (в 1994 г.), вслед за ними - Румыния, Болгария и Молдавия (соответственно, в 1997, 1998 и 1999 гг.). В России, Белоруссии и Украине устойчивый рост продолжительности жизни не начался до настоящего времени.

Глубина кризиса продолжительности жизни в различных странах региона и сроки выхода из него определялись характером взаимодействия институтов различного типа

---

⁵ Среднее желаемое число детей в Италии по данным обследования 2000 г. составляло 2,17 [Gesano... 2000].

Рис. 2. Средняя ожидаемая продолжительность жизни в России, Польше, Украине и Чехии.

и уровня: правоохранительных и здравоохранительных институтов; прав собственности; постоянных способов мышления и действия, ставших привычкой и обычаем. Быстрее и с меньшими потерями из кризиса - как социально-экономического, так и демографического - вышли страны, в которых: характер социально-экономических преобразований соответствовал умонастроениям большинства населения; институты охраны правопорядка и здравоохранения легче поддавались реформированию; алкогольная субкультура оказывала меньшую роль на экономическую, политическую и повседневную жизнь; уровень жизни до трансформационного спада был относительно высоким; существовали благоприятные политические и экономические условия для иностранных инвестиций. Об этом, в частности, свидетельствуют значения парных коэффициентов корреляции (r) для 11 стран ЦВЕ между:

1) среднедушевым **ВВП** в 1993 г. в паритетах покупательной способности валют: $r_n = 0,73$;

2) темпом динамики **ВВП** (1996 г. в % к 1989 г.): $r_{13} = 0,81$;

3) изменением средней продолжительности жизни за тот же период: $r_{23} = 0,79$.

Индия и Китай. В 1970-х - 1980-х гг. правительства двух наиболее населенных государств мира резко активизировали демографическую политику. Ее мероприятия в обеих странах имели общие черты; они были связаны с резким усилением институционального (в том числе прямого административного) контроля за рождаемостью и вступали в противоречие с традициями многодетности. Однако результаты такой политики в Индии и Китае оказались различными.

В Индии практика массовых добровольных, а часто и "добровольно-принудительных" стерилизаций (в 1974 - 1975 гг. - 1,4 млн. операций; год спустя - 8,3 млн. [Вяткин, 1989, с. 156]) вызвала широкое недовольство населения. Существование в стране неправительственных организаций, оппозиционных партий, парламентской системы правления позволили канализировать это недовольство в легальное политическое русло. Требование отмены политики принудительного регулирования рождаемости стало одним из основных лозунгов оппозиции на парламентских выборах в марте 1977 г., закончившихся поражением правящей партии Индийский национальный конгресс и победой оппозиционной Джаната парти. В апреле 1977 г. программа планирования семьи была преобразована в программу повышения благосостояния семьи.

Демографическая политика КНР, осуществляемая с 1980-х гг. под лозунгом "одна семья - один ребенок", на разных этапах своего проведения включала: крупные штрафы за нарушение "квот на детей"; обязательное предбрачное медицинское обследование, по результатам которого регистрация брака могла быть отложена; в "генетически сомнительных" случаях на деторождение и вовсе налагался запрет [Емельянова, 2001]. Тем не менее политических протестов, подобных тем, что в свое время имели место в Индии, демографическая политика в КНР не вызывает. По мнению ряда за-

падных исследователей, это не в последнюю очередь связано как с характером политического строя, так и с тем, что вмешательство "сверху" в частную жизнь граждан укладывается в традиционные рамки отношений между властями и населением [Riley, 1997, p. 78].

Различия в политических, религиозных и бытовых институтах Индии и Китая не только обусловили различия в характере демографической политики, проводимой ими, но и повлекли за собой существенные расхождения в траекториях демографического развития этих государств. В Китае суммарный коэффициент рождаемости снизился с 4,8 в начале 1970-х гг. до 1,7 в 2003 г. В Индии, где рождаемость оставалась заметно более высокой, соответственно, с 5,4 до 3,1. Судя по прогнозам, во второй четверти XXI в. Индия, обогнав КНР по численности населения, станет самой многонаселенной страной планеты [2003 World...].

Страны Африки южнее Сахары. Хотя в большинстве государств "третьего мира" продолжительность жизни быстро росла, в 21 стране Африки, где эпидемия СПИДа приняла наиболее тяжелые формы, данный показатель с 1994 по 2001 г. снизился в среднем с 49 до 44 лет. На вопрос о том, почему эпидемия получила наибольшее распространение именно в Африке южнее Сахары, где сосредоточено около двух третей ВИЧ-инфицированных или уже больных СПИДом, до сих пор нет однозначного ответа. Очевидно, однако, что эпидемии способствовали институциональные факторы. Несовершенство политических институтов и экономическая слаборазвитость сформировали порочный круг, выйти из которого пока не удастся. Играет негативную роль и ряд обычаев, регулирующих сферу семьи и сексуальности, - тендерная дискриминация, множественное параллельное партнерство, левират, отсутствие традиций обсуждения супругами вопросов безопасного секса (см. [Осколкова, 2002]).

Институциональный анализ как методология исследования демографического развития

ТДП не в состоянии объяснить рассмотренные выше бифуркации демографического развития. Правда, теория второго демографического перехода вполне обоснованно видит причину возникновения новой модели демографического поведения жителей Северной и Западной Европы в нарастающем неприятии ими традиционных форм институционального контроля за сферой сексуальности и репродукции. Однако связать очевидный рост "пролайфистских" настроений в США, явно имеющий религиозную основу, и сверхнизкую рождаемость в Южной Европе эта теория не может. Наконец, ни одна из ТДП не в состоянии объяснить стагнацию и снижение продолжительности жизни в ряде стран ЦВЕ или в Африке южнее Сахары⁶. Поэтому, сталкиваясь с подобными явлениями, последовательные сторонники теорий перехода относят их к числу "артефактов", или называют подобный ход событий "странным", или зачисляют его в разряд исключений [Вишневецкий, 1998; 2000; Caselli, Mesle, Vallin, 2001].

Названные провалы ТДП, связанные с рядом их фундаментальных особенностей, вполне могут быть преодолены в рамках альтернативного теоретического представления о мировом демографическом развитии. Одним из методологических оснований такого представления может послужить институциональный подход (см. табл.).

Обратимся к методологической рефлексии и попытаемся отыскать причины, по которым институциональный подход часто преуспевает там, где не работают ТДП. Наиболее общая из таких причин заключается в том, что ТДП содержат ряд "встроен-

---

⁶ По прогнозам международных организаций, опубликованных в 1995 г., прогнозируемая на 2025 г. численность населения стран Южной Африки составляла 83 млн. человек. Та же прогнозная оценка, сделанная в 2003 г. с учетом ожидаемой смертности от СПИДа, дает вдвое меньший результат - 41 млн. человек [Все... 1995; 2003]. Методология прогнозирования, основанная на ТДП, дала в данном случае очевидный сбой.

Таблица Два теоретических представления о мировом демографическом развитии

Сравниваемые компоненты	Теории демографического перехода	Альтернативное теоретическое представление
Философско-исторические и методологические основания		
Направление хода демографического развития	Считается известным и постулируется на основе теорий вестернизации, модернизации, постмодернизации	Не постулируется
Соотношение глобального и локального в демографическом развитии	Примат глобального; локальное интерпретируется на основе глобальных критериев	"Равноправие" глобального и локального
Перечень детерминантов демографического развития	Закрытый, задается теориями вестернизации, модернизации и постмодернизации	Открытый, варьируется во времени и пространстве
Предмет исследования		
Феномен стагнации и снижения продолжительности жизни	Не был предсказан; отсутствует методологический аппарат для объяснения данного феномена	Объясняется в рамках синергетики, институционального подхода, регионоведения
Моральные факторы демографического развития	Не рассматриваются	Рассматриваются на основе концепций солидарности и аномии
Причины "живучести" институтов, деструктивных для демографического развития	Понятийный аппарат, ориентированный на изучение данного феномена, отсутствует	Изучается на основе понятийного аппарата институционального анализа
Выводы		
Объяснительные возможности для отдельных регионов мира	Плохо объясняют демографическое развитие ряда регионов мира, в том числе России	Позволяют объяснять демографическое развитие любых регионов мира
Политические рекомендации	Более идеологизированы, менее адаптированы к локальным реалиям	Менее идеологизированы, носят ситуативный характер, более адаптированы к локальным реалиям

ных" ограничений, не позволяющих им объяснять определенные классы ситуации, возникающих в ходе демографического развития. Однако наука, как и природа, не терпит пустоты. Свободную территорию заполняют иные методологические подходы, среди которых важную роль играет институциональный анализ⁷.

"Встроенные ограничения" ТДП обусловлены их близким родством с теориями модернизации и вестернизации, для которых направление истории абсолютно очевидно: от традиционного общества - к современному, от более религиозного - к менее религиозному, от индивида, опутанного общинными узами, - к свободной личности и т.д. В результате теории перехода плохо объясняют исторические изменения, в которых названные оппозиции не играют решающей роли, а также сдвиги, происходящие в направлении, обратном названному.

В основе же институционализма лежит иная версия детерминизма. Постоянным предметом институционального анализа является взаимодействие различных институ-

⁷ Обзор зарубежных работ по проблемам рождаемости, выполненных в рамках институционального направления, приведен в [Каа, 1996]. Кроме того, институциональный подход широко, хотя и не всегда осознанно и последовательно, применяется во многих эмпирических исследованиях, прямо или косвенно затрагивающих демографическую проблематику.

тов друг с другом и внешней средой, изобилующее синергетическими эффектами и петлями обратных связей. Понятно, что итог такого взаимодействия носит стохастический характер. Поэтому для институционализма нехарактерно использование априорных гипотез о том, куда движется история.

Еще одно "встроенное ограничение" теорий перехода - изначально заданный, "канонический" список детерминантов демографического развития. В классической версии ТДП в него входят урбанизация, секуляризация, рост образованности населения, изменение положения женщин в обществе и т.д. Поскольку в этот список не попадают экономические факторы, последовательные сторонники упомянутых теорий обычно игнорируют их роль.

Институциональный подход, действуя "в связке" с синергетикой, напротив, оставляет необходимый простор для изучения взаимодействия экономических и демографических изменений. С точки зрения базовых принципов такого подхода нет ничего удивительного в том, что влияние экономических факторов на демографическое развитие не является постоянным во времени: оно то ослабевает, то резко усиливается. В последнем случае роль катализатора могут играть факторы, не имеющие отношения к экономике [Клупт, 2002]. Так, в контексте институционального подхода, например, неожиданно сильное повышение рождаемости, наблюдавшееся в 1980-х гг. в СССР, а до этого - в Венгрии и Чехословакии после введения различных "семейных" и "детских" пособий, объясняется тем, что экономические меры соответствовали традициям "льготоориентированного" поведения, весьма сильными в экономиках распределительного типа. Противоположный по направленности синергетический эффект имел место в этих же странах в 1990-е гг., когда экономические трудности наложились на дискредитацию формальных и неформальных институтов, регулировавших рождаемость на протяжении предшествующих десятилетий.

Далее, ТДП заимствовали из социальной антропологии прошлого "изучение истории по географическому срезу" (*reading history sideways*), основанное на предположении о том, что "сегодня" одних стран - это "завтра" других и вчера - "третьих" [Thornton, 2001]. Применение подобного подхода к "южноевропейскому феномену" заводит в тупик, ибо отсутствуют основания говорить о том, что сегодняшняя южноевропейская рождаемость - это "вчерашняя" или "завтрашняя" рождаемость в Северной Европе или США.

Институционализм, напротив, стимулирует интерес к исследованию "тропы наследования" (*path dependency*), определяющей зависимость современных социальных институтов, присущих какому-либо региону, от их прошлых состояний. Например, изучение феномена сверхнизкой рождаемости в современной Южной Европе происходит на стыке социологии, социальной антропологии, демографии и статистики, в традициях, заложенных еще Ф. Ле Пле. Исследуется, в частности, наличие соответствий между пространственными локализациями очагов гражданских конфликтов 1930-х - 1940-х гг. и нынешней сверхнизкой рождаемостью, связующим звеном между которыми предполагается послевоенная аномия, парадоксальная роль итальянского фамилизма - института, ведущего родословную еще из феодальных времен [Micheli, 1996; DallaZuanna, 2001; Rosina, 2001].

Наконец, ТДП не рассматривают влияние моральных факторов, оказавших значительное влияние на демографическую динамику в годы реформ. Институциональный подход, напротив, представляет собой методологию, содержащую понятийный аппарат, необходимый для изучения моральных факторов демографического развития. Такой аппарат включает, в частности, разработанные Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном понятия "солидарности" и "аномии". С институциональной точки зрения вполне очевидно, что демографический кризис в России во многом обусловлен высоким уровнем аномии и низким уровнем солидарности. Этим, в частности, объясняется значительное число преждевременных смертей лиц, оказывающихся в кризисных жизненных ситуациях без поддержки семьи и/или негосударственных ассоциаций, высокий уровень смертности от убийств и самоубийств. Можно также предположить, что дефицит со-

лидарности - одно из причин сверхнизкой рождаемости в России, ибо ситуация, при которой жена не может положиться на мужа, дети - на родителей, а родители - на детей, вряд ли способствует нормальному демографическому воспроизводству.

Методология институционального анализа также ориентирует исследователя на анализ причин, по которым неэффективные с точки зрения демографии и откровенно деструктивные институты оказываются весьма жизнеспособными⁸. Причиной подобных институциональных ловушек часто выступает эффект деструктивной институционализации: возникнув однажды, негативный феномен увеличивается как снежный ком, закрепляясь в поведенческих стереотипах населения и обрастая группами влияния, заинтересованными в его сохранении. Характерный пример - алкогольная субкультура в России, оказывающая колоссальное влияние на российскую смертность. К разряду институциональных ловушек, похоже, относится и сверхнизкая рождаемость в современной России - возникнув первоначально как совместный эффект, связанный с резким изменением важнейших социальных институтов, аномией и материальными тяготами начального периода реформ, новая российская модель рождаемости превратилась в достаточно устойчивый социальный феномен⁹.

Различными являются и политически ориентированные картины демографического развития, рисуемые ТДП и институционализмом. Картина, вытекающая из теорий перехода, окрашена в контрастные тона. Тенденции демографии *a priori* делятся на "модернизационные" (их надо поощрять) и "контрмодернизационные" (их следует блокировать). Поскольку в авангарде модернизации движется Запад, критерием для характеристики тех или иных явлений и тенденций является их присутствие или отсутствие на "Западе", точнее - в его идеальной модели, не обязательно совпадающей с реальным прототипом. Таким образом, события в отдельно взятой стране оцениваются, исходя из глобальных критериев, а особенности незападных обществ в большинстве случаев рассматриваются как досадные ограничения на пути модернизации.

В отличие от теорий перехода, институциональный подход менее идеологизирован и не содержит критерия, позволяющего однозначно относить те или иные тенденции к модернизационным либо контрмодернизационным. Поэтому институциональный анализ, трактуя политику как "искусство возможного", нацеливает скорее на ситуативный, чем на идеологический подход к принятию решений. Кроме того, институционализм предполагает более глубокое, чем в ТДП, изучение локальных институтов и их эволюции, в том числе под воздействием глобальных изменений. Условно говоря, если ТДП предлагают лицам, принимающим решения, карту мира, на которой, вследствие ее малого масштаба, не видны региональные детали, то институциональный подход - атлас крупномасштабных карт отдельных регионов.

Итак, "классическая" ТДП оказалась малопродуктивной в интерпретации снижения продолжительности жизни, наблюдаемого в последние десятилетия в ряде стран, включая Россию, и феномена сверхнизкой рождаемости. Объяснительная сила теории второго демографического перехода ослабевает по мере удаления от Северной и Западной Европы. В этих условиях одни ученые открыто заявляют о том, что совокупность теорий среднего уровня, специализированных для каждого региона, обладает большей объясняющей способностью, чем общая теория демографического перехода. Другие, возможно, не готовы отказаться от ставшего каноническим термина "переход", предпочитая вводить все новые и новые региональные его варианты и времен-

---

⁸ Применительно к экономической истории этот вопрос сформулировал Д. Норт: "Можно объяснить существование неэффективных институтов, но почему же давление конкуренции не ведет к их отмиранию?" [Норт, 1997, с. 23].

⁹ В 2002 г. суммарный коэффициент рождаемости в России составлял 1,32 - значение, близкое показателям в странах ЦВЕ и Южной Европы, но заметно более низкое по сравнению со странами Северной и Западной Европы (1,6) и тем более США (2,0).

ные фазы¹⁰. Третьи, не вступая в теоретические баталии, снимают "табу", накладываемые ТДП, "явочным путем" - в ходе эмпирического исследования конкретных Проблем [McDonald, 2001]. Во всех трех случаях речь, по существу, идет о замене теорий демографического **перехода**, конечная точка которого предполагается известной и общей для всех регионов мира, теорией демографических **изменений**, направление которых может варьироваться во времени и пространстве.

Теории среднего уровня, описывающие подобные изменения, специализированы для отдельных регионов и исторических периодов. Тем не менее их построение требует "сквозных" методологических подходов, одним из которых и является институциональный анализ. В этом смысле у "институциональной демографии" столь же хорошие научные перспективы, как и у институциональной социологии и институциональной экономики.

Что же вытекает из всего сказанного для изучения демографического развития России? Простая формула - не слишком доверяться концепциям, претендующим на универсальность, и развивать теории среднего уровня, лучше адаптированные к специфике российской почвы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вяткин А. Р.* Демографическая политика в развивающихся странах // Демографическая политика в современном мире. М., 1989.
- Вишневский А. Г.* Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М., 1982.
- Вишневский А. Г.* Постсоветское демографическое пространство: восточное пространство или интегральная часть Европы // Мировая экономика и международные отношения. 1998. №9.
- Вишневский А. Г.* Подъем смертности в 90-е годы: факт или артефакт // Население и общество. 2000. № 45. Все страны мира // Население и общество. 1995. № 7; 2003. № 74.
- Емельянова Т. В.* Китай: женщина и общество // Человек и труд. 2001. № 9.
- Каа Д. ван де.* О международной миграции и концепции второго демографического перехода // Мир в зеркале международной миграции. М., 2002.
- Капица С. П.* Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. Очерки теории роста человечества. М., 1999.
- Клунт М. А.* Изменение научных представлений о мире и развитие демографической теории // Российский демографический журнал. 2002. № 1 (6).
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
- Омран А.* Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. М., 1977.
- Осколкова О.* СПИД в Африке: угроза социально-экономическому и демографическому развитию // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 9.
- Among Wealthy Nations U.S. Stands Alone in its Embrace of Religion. Released. 2002. December 19 // peoplepress.org/reports/display.php3.
- Binni F.* Secular Drift Pulls Europe Away from U.S. // International Herald Tribune. 2003. October 14.
- Caselli G., Mesle F., Vallin J.* Epidemiologic Transition Theory Exceptions. 2001 // First Seminar of the IUSSP Committee on Emerging Health Threats: Determinants of Diverging Trends in Mortality (www.demogr.mpg.de/020619_paper40.pdf)-
- Cornell B.* Are Bush's Pro-Life Views Extremist? // www.equityfeminism.com/articles/2001/000010.html.
- Cocchi D., Crivellaro D., Dalla Zuanna G., Rettaroli R.* Nuzalita, famiglia e sistema agricolo negli anni 80 del XIX secolo // Genus. 1996. Vol. LII. № 1 - 2.

---

¹⁰ Примеры подобного подхода - предложения о "ревизии" первоначальной версии теории эпидемиологического перехода [Омран, 1977], родственной ТДП. Говорится, в частности, о новой, пятой фазе эпидемиологического перехода - "возврате" старых и появлении новых инфекций (обзор см. [Early... 2003]).

Dalla Zuanna G. The banquet of Aeolus: A Eamilistic Interpretation of Italy's Lowest Low Fertility // Demographic Research. 2001. Vol. 4. Article 5 (www.demographic-research.org).

Downs B. Fertility of American Women: June 2002. Current Population Reports. Washington (D.C.), 2003.

Early Life. Changes. Transition in Pregnancy and Birth Outcome in South India. Groningen, 2003.

Fertility and Family Surveys in Countries of the ECE Region. Standard Country Report. Italy. UN. New York-Geneva, 2000.

For God's Sake // Guardian. 2004. April 23.

Gesano G., Menniti A., Misiti M., Palomba R., Cerbara L. Le intenzioni, i desideri e le scelte delle donne italiane in tema di fecondita // www.irpps.cnr.it/irp_it/download/wp_1_00.pdf.

Human Development Report for Central and Eastern Europe and the CIS 1999 // www.undp.org/rbec/pubs/hdr99/chapter1.pdf.

Kaa D. van de. Anchored Narratives. The Story and Findings of a Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // Population Studies. 1996. Vol. 50. N 3.

Kohler H.-P., Billari F., Ortega J. The Emergence of Lowes-Low Fertility in Europe during the 1990s // Population and Development Review. 2002. December. Vol. 28. N 4.

Landry A. La revolution demographique. Paris, 1934.

Lesthaeghe R., Kaa D.J. van de. Twee Demografische Transities? // Bevolking Groei in Krimp. Deventer, 1986.

McDonald P. Theory Pertaining to Low Fertility International Union for the Scientific Study of Population // Working Group on Low Fertility International Perspectives on Low Fertility: Trends, Theories and Policies. Tokyo, 2001 (eprints.anu.edu.au/archive/00001271/lowMcDonald.pdf).

Micheli G. New Patterns of Family Formation in Italy. Which Tools for which Interpretation // Genus. 1996. N 1 - 2.

Miret-Gamundi P. Nuptiality Patterns in Spain in the Eighties // Genus. 1996. N 3 - 4.

Notestein F. Population. A Long View // The Food for the World. Chicago, 1945.

Riley N., Gardner R. China's Population: A Review of Literature. 1997.

Rosina A. "Questa unioneinformale non s'ha da fare". Matrimonio e famiglia: un binomio indissolubile in Italia? // Workshop "La bassa fecondita italiana tra costrizioni economiche e cambio di valori". Firenze, 2001 (www.ds.unifi.it/ricerca/interessi/demografia/bassaecondita/workshop/paper/rosina_unioni_informali.doc).

Thornton A. The Developmental Paradigm, Reading History Sideways and Family Change // Demography. 2001. Vol. 38. N 4.

Women are Having More Children. New Report Shows Teen Births Continue to Decline. 2002. // www.cdc.gov/nchc/releases/02news/womanbirth.htm.

2003 World Population Data Sheet // www.prb.org.

© M. Клупт, 2005